

18 мая 1993 г.

Конец правды - 1993. - 18 мая. - с. 6.

Ирина МИШИНА:

Мне 30 лет, а вспомнить нечего

— Как ты попала на телевидение? Я очень удивился, когда впервые увидел тебя на экране. Впрочем, всегда удивляешься, когда видишь по телевизору хорошо знакомого человека.

— Все началось ровно три года назад. До этого я работала на радио. В 1989 году была на стажировке во Франции. Там мне впервые дали понять, что я могу быть в кадре. Леон Зитрон — очень известный во Франции журналист, — проходя мимо, спросил: «Что вы делаете на радио с таким оригинальным лицом?»

В мае 90-го меня взяли вести «120 минут» на Сибирь и Дальний Восток. Одновременно я еще вела программы «Маяка». Потом у нас в «120 минутах» был тандем с Женей Киселевым. Долго мы не протянули: каждому хотелось много сказать, задать свои вопросы. Потом Женя работал с дикторами.

— А в чем, собственно, разница между ведущим и диктором?

— Диктор — это тот, кто пудрит нос и читает объявления.

— А ты — не такая?

— У меня мозги запудрены, ноги болят — это значит, что я вчера вела программу. Особый образ жизни. Даже после передачи остается тот же ритм: слушаю «Голос Америки», «Би-би-си», читаю информационные агентства. Я даже не могу объяснить, зачем я это делаю. Остановиться очень тяжело. Все равно что резко остановить того, кто долго крутил педали. На мой взгляд, человек в кадре на 30 процентов журналист, на 70 — актер.

— В чем же заключается артистизм: оригинально пошлаться и натурально, без фальши, поздравить с праздником?

— Нельзя показывать, что вокруг тебя сплошной дурдом, — вот в чем артистизм. Однажды я вела «Время», а режиссер в тот вечер работал сразу на две передачи — на «Время» и на «До и после полуночи». И вдруг в своей программе я с ужасом вижу сюжеты из «До и после». Хотя зрителям, по-моему, все равно. Плохо, что вся система работает по инерции.

— Знаешь, моя жена все время смотрит, как ты одета.

— А я ведь одно время работала манекенщицей. Школу я окончила с золотой медалью. Работала курьером в

«Человек
в кадре
на 30
процентов
журналист,
на 70 —
актер»

«Правде», писала в «Вечерку», в «Комсомолку». Как-то раз делала материал о доме моделей, и мне предложили самой попробовать. Платили 25 рублей за один проход — хорошие деньги по тем временам. У меня был образ экзотической женщины: показывала вечерние туалеты с голой спиной. Предлагали остаться. Но я поступила на факультет журналистики МГУ: написала сочинение на «пять» и, как золотая медальстка, прошла. С домом моделей пришлось расстаться. Но свои первые передачи я вела в красном костюме от Диора.

— С деньгами, стало быть, у тебя все в порядке.

— Я бы не сказала. Ставка 24 тысячи, за каждую передачу — 300—500 рублей, иногда одна-две тысячи. Я в ведомость никогда не смотрю. Половина уходит на косметику.

— Ты сказала, что телевидение работает по инерции. Но разве Егор Яковлев не пытался что-то изменить?

— Ты знаешь, в «Останкино» до сих пор многие вспоминают Лапина, потому что Лапин вошел в историю телевидения как человек, создавший огромную агитационно-пропагандистскую машину. А Яковлев ничего не сделал, только разрушил.

— Может быть, просто не успел?

— Дело не в этом. Он был слишком тщеславен. Если уж ты ничего не понимаешь в телевидении, так приди и скажи: я такой-то, извините, ничего не понимаю, из газет. Ему бы помогли. В «Останкино» при Яковлеве каж-

дый второй ел валидол, а когда его в отставку отправили, все пьяные ходили от радости. Массовое ликование. Я тогда подумала: «Все-таки бог есть». Возможно, не все со мной согласятся, но я жутко ненавижу шестидесятников. Они могут только плакать, канючить. А как до дела доходит — переговоры с оппозицией, допустим, — так они на дачу сбегают.

Я удивляюсь, что меня не убрали из эфира, как в свое время Боря Костенко, — якобы за непрофессионализм. Боря показал в «Новостях» сюжет об открытии «Правды», а я — о закрытии. Хотя при Егоре я постоянно выпадала из графика. Костенко целый год боролся, пытался что-то доказать. А что тут докажешь? Все равно, что бежать с ножом навстречу паровозу и кричать: я тебя задавлю.

— Кстати, про нож. В «Останкино» о тебе ходят слухи, что ты покушалась на самоубийство, что вены резала.

— Неправда. Был просто нервный срыв. Одно время я восхищалась Эдуардом Сагалаевым, тем, что он делал на телевидении. Для меня он был идеалом, планкой, по которой я равнялась. Потом он ушел, потом пришел опять и устроил конкурс на профессионализм. А это сентябрь — октябрь 91-го года — понимаешь, да? Народ в «Останкино» издерган до предела. И вот моя программа: я три раза объявляю сюжет, а он не идет. Позвонил Сагалаев: у вас большой творческий потенциал, но надо поработать с визажистом, с режиссером.

Через какое-то время позвонила Тамара Мартынова из «Правды». Говорит: я только что была у Сагалаева, он собирается от тебя избавиться. Он сказал, что Тихомиров в кадр не влезает, а Ира Мишина будет нам мешать.

После этого у меня — нервный срыв, давление упало очень сильно. Попала в больницу.

— Ты изменилась за эти годы. Я помню тебя комсоргом группы, как ты платила взносы за всех из своего кармана. Ты в партию не успела вступить?

— Меня не приняли из-за личной жизни. Комсомолки собрали на меня досье, а старые большевики раздели на приемной комиссии. Я тогда впервые прилюдно плакала.

— А что за досье? По поводу Александра Невзорова?

— Нет, Невзоров был позже. Мы познакомились в октябре 91-го. Он позвонил после моей передачи, хотел что-то уточнить. Потом я была в Ленинграде, встретилась.

— Надеюсь, Ирина, ты понимаешь, что роман с Невзоровым — это поступок? Шутка. Вы близки по политическим взглядам?

— Я не знаю его политических взглядов. Он все время в оппозиции.

— Тебе нравится, что он делает на телевидении?

— Года три назад я думала: Невзоров — вот это да! А теперь я, как хирург. Генерала Лебеда плохо снял. Митинг 23 февраля и Азербайджан — хорошо! Когда «600 секунд» закрыли, я сильно переживала. Но делать с ним одну программу я бы не согласилась.

— Почему?

— Он мужчина ненадежный. За него нельзя спрятаться.

Что касается политики, то, на мой взгляд, целое поколение должно умереть, чтобы все было нормально. Будущее — это не Анпилов, не Боннэр, не Аксютин. Должны прийти умные ребята с калькуляторами.

Я никогда не испытывала такой разбитости, как сейчас. Черт с ней, с империей. За державу обидно.

— Похоже, ты действительно устала.

— Мне тридцать лет, а что вспомнить — не знаю. Может, еще повезет?

Беседу вел
Александр ВАСИЛЬЕВ.
Фото Олега КОРОЛЕВА.